

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: МЕЖДУ АПОЛОГИЕЙ И КРИТИКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена современному состоянию развития юриспруденции и определена задачей поиска новых предметных и концептуальных оснований научной дисциплины. Изучение вопроса предполагает широкий социокультурный и междисциплинарный контекст теоретического и практического осмысления нового предмета и структуры юридической науки. Культурно-историческая перспектива в изучении права как языковой и когнитивной реальности, одновременно образной, символической и понятийной составляет, на наш взгляд, то направление и подход в его исследовании, которое позволяет раскрыть актуальные смыслы и значения права в разнообразных цивилизационных (дискурсивных) практиках социального общения.

Ключевые слова: предмет и метод юриспруденции, концептуализация права, классическая и современная юриспруденция, юридическая картина мира, историческая грамматика правопорядка, юридический концепт действительности, сетевая онтология и эпистемология права.

THEORY OF STATE AND LAW: BETWEEN APOLOGY AND CRITICISM OF CONCEPTUAL BASES

Abstract. The article is devoted to the current state of development of jurisprudence and is determined by the task of searching for new subject and conceptual bases of the scientific discipline. The study of the issue assumes a broad socio-cultural and interdisciplinary context of theoretical and practical understanding of the new subject and structure of legal science. The cultural and historical perspective in the study of law as a linguistic and cognitive reality, both figurative, symbolic and conceptual, is, in our opinion, the direction and approach in its study that allows us to uncover current meanings and meanings of law in various civilizational (discursive) practices of social communication.

Keywords: the subject and method of jurisprudence, the conceptualization of law, classical and modern jurisprudence, the legal picture of the world, the historical grammar of law and order, the legal concept of reality, network ontology and the epistemology of law.

Постановка вопроса

1. Эволюция права связана с социокультурным контекстом и протекает в исторической логике и границах нормативных представлений о праве, верований в ценность наличного правопорядка и ритуальных практик, поддерживающих воспроизводство установленных отношений. Право – это юридическая форма выражения субъектности человека в разнообразных исторических практиках и системах вертикального, горизонтального, пограничного или сетевого социального общения и регулирования. Исторические изменения этноконфессиональных и социально-политических координат развития правовых систем, сопровождаемые преобразованиями юридических картин мира, имеют своим аналитическим продолжением расширение или сужение эпистемологических границ и когнитивных форм юридического знания. Системы юридических знаний, структурированные в закономерности вертикальных и горизонтальных заимствований и обменов, переходят в системы юридических знаний, выстроенных в логике сетевых категориальных обменов и определений. Поиск новых феноменологических и концептуальных измерений права и науки права – возможный ответ на структурные вызовы и требования в процессах становления и развития институтов глобального и региональных правопорядков.

Правовая реальность – языковая реальность. Язык социального общения в своей собственной коммуникативной онтологии включает и выражает нормативные основания общения. В этом смысле язык социального общения является одновременно юридическим языком. Его формализация в терминах и определениях признанного или санкционированного языка позитивного права обеспечивает превращение социального отношения в правоотношение или формально организованное общение. Юридические категории и понятия или языки существования и действия права и языки осмысления права в их взаимных отношениях и пересечениях лежат в основании развития и воспроизводства правовой реальности в различных аспектах и формах ее проявления. Ими определяются нормативные и аксиологические границы ее восприятия и существования. В них обнаруживает себя культурно-историческая практика становления и развития различных типов правовых систем, составной частью которых является знание права или юриспруденция. Отсюда собственно и проистекает правообразующая функция юридической науки в целом, а именно быть источником права как в институциональном (*правовой конструкт*), так и социокультурном (*правовой концепт*) смысле в широком диапазоне возможных грамматических, аналитических и формальных определений юридически должного порядка.

Теория государства и права – составная часть юридической науки, а определение ее места в общей дисциплинарной структуре юридического знания – актуальная проблема и тема юриспруденции. Она всегда занимала эксклюзивное положение в марксистско-ленинской государственно-правовой доктрине и санкционированной ею одноименной научной и учебной дисциплине. В итоге была выстроена весьма жесткая и идеологически мотивированная структура юриспру-

денции, ее предмета и научного словаря, номенклатуры основных проблем и подходов к их решению.

Представляется возможным вынести на обсуждение ряд тезисов, характеризующих отдельные этапы эволюции подходов в определении не только и не столько дисциплинарного статуса теории государства и права, включая ее взаимоотношения с отраслевыми юридическими науками. Это классическая тема «старой» юриспруденции. Ее научная разработка имеет уже сложившуюся аналитическую традицию, как формальной постановки вопроса, так и его догматического решения. Современное состояние разработки предмета и структуры юриспруденции основано на различении классической и неклассической версий понимания права и представлено в определениях таких трансграничных направлений концептуализации правовой науки, как антропология и социология права, коммуникативная и культурно-историческая теория права.

Расширение предмета юриспруденции выявило актуальную потребность качественного изменения номенклатуры методологических подходов в изучении права, поскольку такие структурные составляющие правовой реальности (ментальная, когнитивная, языковая), ее феноменология, аксиология и эпистемология оказались за рамками формально-догматического подхода, который по определению их не видит, не знает и не хочет знать. Не касаясь выявления содержательной глубины формальных конфигураций юриспруденции, таких, как теория государства и права или теория права и государства, энциклопедия права или общая теория права, широкое или узкое понимание науки права, можно отметить следующее. Предмет и структура теоретической юриспруденции в различных форматах их концептуальной разработки существуют в рамочных определениях исторической эпистемологии права. История и методология юридической науки содержат богатейший материал аналитической реконструкции отдельных направлений ее становления и развития. Действительный предмет новой юриспруденции – сама юридическая наука или самосознание права.

2. Традиционная версия понимания концептуального статуса теории государства и права – теория государства и права есть одновременно общая (в смысле, главная) методология описания и объяснения государственно-правовых явлений. В рамках данного подхода свое доктринальное обоснование получила иерархическая структура системы юридической науки, органично вписываемая в идеологическую модель восприятия и конструирования политико-правовой реальности. Теория государства и права – нормативная дисциплина, содержание которой образуют рамочные директивные реконструкции предмета и языка других, в том числе и отраслевых юридических наук. Теория государства и права – это *прескриптивный текст*, оформляющий и оценивающий конкретное юридическое знание на предмет его классовой достоверности, доктринальной истинности и обоснованности. Отраслевые юридические науки в этой модели организации юридического знания составляют нижний уровень научной иерархии, они вторичны относительно собственно теории права. Их назначение заключается в конкретизации базовых идеологических концептов, определяющих и обосновываю-

щих нормативные границы вмешательства государства в социальную, экономическую и политическую практику.

Язык официальной юриспруденции закрыт для описания и объяснения социокультурных и антропологических, ментальных и концептуальных оснований и измерений права. Действительное бытие права осмысляется лишь в предметной и формальной логике юридической доктрины, официально санкционированной государством и признанной доминирующей идеологией. Фактически здесь обнаруживает себя предельно жесткий каркас юридической картины мира, отсеивающий все, что не вписывается в систему ее нормативных границ, предпочтений и ожиданий. Очевидно, что идеологически заданный модус существования права как субординированной государственно-правовой реальности сам по себе не предполагает иерархию знаний о праве.

3. Новая редакция данного подхода в определении места теории государства и права в общей системе юридических наук воспроизводит себя в более гибкой и структурированной аргументации *интегративной юриспруденции*, что по своей сути является предметным и логическим продолжением взгляда на юридическую науку как вертикально организованную систему юридических знаний. Для придания концептуальной новизны «новому» формату главной юридической науки была развернута абсолютно бессодержательная дискуссия по вопросу различия понятий «интегральная» или «интегративная юриспруденция».

Концепт «*интегративная юриспруденция*» имеет право на существование прежде всего в плане открывающихся возможностей обнаруживать и формулировать новые смыслы и значения в понимании предмета и структуры науки права, а также ее теоретического языка и междисциплинарных связей в общей системе социальных, политических и юридических наук. И как следствие – формировать и проектировать новые сетевые правовые онтологии и эпистемологии, внешние и внутренние структурные связи, развитие которых определяется принципом саморегулирования. Собственный предмет интегративной юриспруденции находится за рамками формально-догматических обобщений конкретных юридических дисциплин. Его содержание заключено в описании и объяснении юридических картин мира, лежащих в основании мировосприятия и переживания права в каждую историческую эпоху его существования, то есть тех культурно-исторических аспектов и форм развития правопорядка, в которых протекает процесс осмысления и концептуального воспроизводства самой правовой системы.

Все иное в понимании ее теоретико-методологического статуса ориентировано на сохранение стандартной этатистской и легалистской топики (*догматики и аксиоматики*) рассуждения о праве и государстве, определяемой жесткими рамками их взаимных пересечений. «Ахиллесова пята» интегративной юриспруденции – неопределенность в определении ее действительного (собственного) предмета. По крайней мере, вплоть до настоящего времени не состоялся переход от изучения государственно-правовых явлений (юридических конструкций) к изучению собственно культурно-исторических оснований языка права и языка самой научной дисциплины. Он и не мог состояться, поскольку юриспруденция, выстро-

енная в логике формально-догматических определений, является нормативной теорией, предписывающий одномерное и санкционированное видение мира права. Выработываемое дисциплиной юридическое знание исключает возможность ее превращения в синтетическую или интегральную теорию. Язык правовой догматики не предполагает наличие других или конкурирующих языков описания и объяснения права, которые можно объединять в более широкие предметные комплексы. Аналитические перспективы развития формально-догматической юриспруденции исчерпаны, хотя в качестве учебной дисциплины она, разумеется, сохраняет свое значение.

Язык – универсальный способ существования и манифестации реальности, в том числе и правовой. В этом смысле юридический язык и есть фундаментальный предмет интегративной юриспруденции, поскольку в нем резюмированы культурно-исторические основания и внутренняя логика развития и воспроизводства права и науки права. По существу, предложенный вариант концептуализации юридической науки был ориентирован прежде всего на сохранение и консервацию сугубо доктринального формата развития дисциплины, то есть ее апологетической функции. «Галльский петух» еще не пропел здесь свою победную песню.

4. Юридическая наука в целом и теория государства и права – одна из форм существования и развития правовой реальности. Это концептуальная реальность со своей внутренней (*структурной*) и культурно-исторической (*эволюционной*) логикой ее становления и воспроизводства. Теория права, являясь составной частью правовой онтологии и эпистемологии, обнаруживает себя и выражает в исторической практике доминирующей социокультуры, то есть в системе вырабатываемых ею категорий и представлений, понятий и определений должного и не-должного, юридических конструкций и эмпирических суждений.

В этом плане юридический язык, теории государства и права, а также язык отраслевых юридических наук в их собственной догматике и аксиоматике объективно насыщены переживаниями и представлениями о должном или не-должном порядке отношений, составляющими юридическую картину мира или правосознание конкретной исторической эпохи. В их рамочных определениях конструируется собственный культурно-исторический тип юридического знания: как практического, так и теоретического. Базовая функция юридической картины мира заключается в отборе и ранжировании приемлемых и неприемлемых вариантов юридической организации отношений в ее оценках, классификациях и квалификациях, в том числе и правовой науки.

Разумеется, процессы концептуализации предметов и методов теории и отраслевых юридических наук, их динамики и структуры носят комплексный характер, протекают в системе социокультурных, эпистемологических и аксиологических координат данного исторического места и времени. Пересечения и заимствования общеметодологических и конкретно-отраслевых подходов к пониманию границ, содержанию своего собственного предмета, в его структуре носят циклический и взаимный характер как со стороны теории права, так и со стороны отраслевых юридических наук.

Логика и траектория практических вызовов и адекватных научных ответов не заданы изначально, но постоянно проявляют себя в процессах консервации старых или при появлении новых доктринальных и концептуальных решений. В связи с этим вполне закономерно, что в общем корпусе юридической науки наряду с историей государства и права (институтов – *историческая юриспруденция*), историей политических и правовых учений (доктрин – *доктринальная юриспруденция*), истории и методологии юридической науки или истории систем юридических знаний (*когнитивная юриспруденция*) появился и такой формат правовой науки, как *критическая юриспруденция*.

5. В предложенной схеме эпистемологической эволюции системы юридических знаний, безусловно, заслуживает внимания и представляет общенаучный интерес формат современной юридической науки и теории права, весьма активно разрабатываемый представителями петербургской школы права – *постюриспруденция*. Ее исходная познавательная парадигма, в отличие от классической юриспруденции, ориентирована прежде всего на критику традиционного взгляда на предмет и метод самой юридической науки, ее онтологию и эпистемологию. Проблема переопределения метафизических и концептуальных оснований юридической науки задана исторической логикой развития самой науки. Включение в предмет юридической науки – самой юридической науки в определениях системы и структуры ее категорий и понятий, соотношения практического и теоретического языка юриспруденции, подходов в аргументации ее смысла и значения, жанровых форм и практических приложений говорит, прежде всего, о способности юридической науки в целом к внутренней саморефлексии. В этом аспекте своего теоретико-методологического статуса (рассуждений на предмет самое себя) постюриспруденция – это не что иное, как теория о теории науки права или *мета-теория*.

Историческая фаза рефлексии на предмет самое себя выражает кардинально новую ступень эпистемологической эволюции правовой науки, ее дисциплинарной и категориальной матрицы, связанной с переходом от стандартной модели связей и взаимодействий к сетевой модели. Здесь по существу и был задан возможный вариант ответа на концептуальный кризис формально-догматической юриспруденции. Этот момент или парадигмальный сдвиг в понимании (и расширении) предмета теории права дает основание признать глубинный характер процесса становления постклассической юриспруденции как индикатора формирования новой трансграничной юридической картины мира.

Ее проблемное ядро составляет разработка теории *сетей междисциплинарных связей* в системе социальных и гуманитарных наук, в рамках которых предметы и методы, пересекаясь, конституируют друг друга. Ни предмет, ни метод научной дисциплины не существуют сами по себе. Предмет дисциплины обнаруживает себя через метод, а метод дисциплины заключен в самом предмете. Собственный предмет и методы теории права выражают себя в языке юриспруденции, категории с меняющейся исторической формой и содержанием, произ-

водной функции внутри дисциплинарных, междисциплинарных или сетевых связей взаимозависимостей и взаимообменов.

Юридический язык не только и не столько отражает правовую реальность, он ее переформатирует, производит и имитирует. Дискурсивные сетевые практики лежат в основании формирования права и науки права. Здесь и заключено основное содержание вопроса взаимных отношений – концептуальных заимствований и обменов между собственно теорией права и прикладными юридическими науками, обладающими своими инструментальными подходами и решениями. Это концептуальный и юридико-технический симбиоз, обладающий собственной культурно-исторической логикой саморегулирования и воспроизводства права и науки права.

Именно разработка данной проблемы и темы составляет актуальное направление новой юриспруденции, основание дисциплинарной матрицы которой образуют, соответственно, культурно-историческая и сравнительно-историческая юриспруденция. Ее основной предмет – смена юридических картин мира или парадигма становления и развития теории и методологии юридической науки в контексте ментальных и социокультурных вызовов и ответов определенной исторической эпохи. Изучение процесса концептуальных заимствований и институциональных транзитов в их культурных и формально-юридических границах, содержании и формах продуктивно именно в рамках культурно-исторического подхода, поскольку юридическая наука, прежде всего, парадигмальная дисциплина.

В этом качестве своего концептуального самоопределения юриспруденция есть критическая наука. Ее предмет и метод – критика собственных теоретико-методологических оснований, то есть самое себя, своего предмета и метода, а также переосмысление категориально-понятийного аппарата и языка рассуждений о правовой реальности в широком историческом и социокультурном контексте изменений юридических картин мира. Ее объект представлен в разнообразии исторических форм существования, проявлении и взаимодействии юридических институтов и языков, на которых думают и говорят различные правовые системы романо-германского, англо-саксонского и исламского мира, их сходства и различий в культурно-исторических границах и практиках юридического трансфера.

Обсуждение вопроса

1. Теоретическое осмысление правовой реальности заключено и выражает себя в рамочных построениях культурно-исторических версий понимания права, каждой из которых корреспондирует свой модус существования права и науки права. Категория «правопонимание» занимает центральное место в общей системе концептуальных построений юридической науки в целом. Содержательное и методологическое значение данной категории обнаруживает себя в широком диапазоне определений, поскольку включает в себя множество предметных и функциональных измерений и составляющих их элементов. По существу правопонимание

заклучает в себе одновременно концептуальное и нормативное ядро феномена права и науки права как составных частей социокультурной реальности.

Категориальный статус правопонимания связан с определением прежде всего *предмета* и *метаоснований* науки права. Понимание права оказывает прямое влияние на весь комплекс проблем теоретического правоведения: разработку вопросов происхождения права (причин и оснований возникновения и разрушения права); вопросов эволюции права (изменений в составе источников права и их структурирования); вопросов институционализации права (формирование отраслевых, межотраслевых и трансграничных институтов); вопросов генезиса юридической науки как исторических систем знаний (в определениях своего предмета, структуры и методов). Правопонимание лежит в основании процесса концептуализации феномена права. В этом смысле концептуальный порядок – составная часть правопорядка. Порядок в праве – производная концептуального порядка, то есть системы категорий, понятий и определений, описывающих и объясняющих явление права.

Актуальная задача современной юриспруденции состоит в теоретической разработке *самой* категории «правопонимание» в качестве предмета исследования. Правопонимание или коллективные общие представления (*геиштальт*, *габитус*, *базовые ориентации*, *стереотипы* восприятия, переживания, оценки) о должном или недолжном порядке социальных отношений лежат в основании как процессов правообразования, так и процессов правоопределения. В этих аспектах существования и выражения правопонимание – одновременно и юридический концепт, и юридический конструкт, культурно-историческая топика и культурно-историческая практика выявления концептуальных границ и условий междисциплинарных обменов, политико-правовых границ и условий институциональных изменений.

Действительный предмет современной юриспруденции лежит в рамочных определениях исторических языков становления и развития права и науки права, то есть социокультуры их институционализации и концептуализации или исторической грамматики правопорядка, его лексики и семантики, образов и верований. Современное состояние юридической науки в ее предметном и методологическом измерении характеризуется сетевой структурой и динамикой переходов и пересечений дисциплинарных и концептуальных границ. Классическая жесткая дисциплинарная структура формально-догматической юриспруденции, сохраняя свое учебно-образовательное значение, закрыла эпистемологическую перспективу на предмет изучения собственного концептуального развития. Ее язык уже не фиксирует и не выражает реальность права в меняющихся границах его действительного содержания, форм существования и выражения. Привязанная к сугубо эвристической нормативной логике понимания и определения права, классическая юриспруденция утратила возможность собственной концептуализации. И значит, – критическую способность видеть и определять себя как один из множества возможных исторических вариантов построения систем юридического знания.

Реальный переход от классической парадигмы правопонимания к неклассической в логике ее собственного развития заключен, прежде всего, в критике предмета и метода науки права. Налицо когнитивный диссонанс. С одной стороны, сохранение традиционных нормативных подходов в определении понятия права, а с другой, – активный поиск интегральных оснований научной дисциплины, консервирующих ее догматические и аксиоматические определения. Можно сколько угодно перечислять и расширять перечень общих, частно-научных и специальных юридических методов исследования права, но все это ни с содержательной, ни с эпистемологической точек зрения ни на йоту не меняет концептуальные границы понимания и определения права, его застывшую в себе догматику и аксиоматику, то есть универсальные элементы санкционированной юридической картины мира, консервирующие ее предметные и методологические основания. Только изменения концептуальных рамок восприятия и понимания правовой действительности, появление новых точек зрения на природу изучаемого явления позволяют выйти за стандартный язык нормативных дефиниций и обнаружить ее новые объекты и их юридические значения.

2. Юридическая картина мира – основополагающая категория права. Она выражает фундаментальные культурно-исторические основания восприятия, переживания и осмысления правовой реальности. Это своего рода система ментальных и когнитивных координат и процесс, в ходе которого определяются и переопределяются социокультурные или нормативные границы социального общения. Юридическая картина мира встраивает в себя или отбраковывает те или иные формы и способы социально-правового поведения (практический юридический язык, правовые конструкции), признает или не признает те или иные формы и способы осмысления социально-правовой практики (теоретический юридический язык, правовые понятия).

Юридическая картина мира каждой исторической эпохи существования права и науки права вырабатывает и проецирует свою догматику и аксиоматику, формирует свою модальность оценивания и нормирования социальной действительности. В культурно-исторической логике ее собственной метафизики и переживания действительности складывается тот или иной взгляд на право (*его онтология и аксиология*), конструируются определения и понятия права (*его феноменология и гносеология*), формируются системы юридических знаний в их предметных и жанровых формах и практиках изучения политико-правовой реальности (*его эпистемология и правоведение*).

Различным культурно-историческим формациям юридических картин мира корреспондируют собственные представления, *образы и понятия* о должном или недолжном порядке действующего или желаемого права. Очевидно, что должное в представлениях одной юридической картины мира может быть квалифицировано как недолжное в представлениях другой юридической картины мира. Образ права (*право в воображении*) и понятие права (*право в определении*) – конститутивные, структурообразующие элементы исторической практики формирования и действия объективного и субъективного права, процессов институционализации и концептуализации правовой реальности. Именно здесь и лежит предмет

новой культурно-исторической юриспруденции, ее онтологии и эпистемологии как явления социокультуры определенного исторического места и времени. Изучение концептуальных границ и трансграничных заимствований юридического языка, категорий и конструкций в формах и методах описания и объяснения правовой реальности – ключевая тема и проблема современной фазы эволюции науки права.

Основные феномены юридического бытия (объективное и субъективное право, материальное и процессуальное право, публичное и частное право) обнаруживают себя в системе нормативных бинарных оппозиций как «должное и сущее», «желаемое и возможное», «правильное и неправильное», «действительное и реальное», «формальное и действующее». В их социокультурной топике сосуществуют такие фундаментальные аспекты юридической реальности, как мифопоэтическая и рационально-логическая (*миф и логос*) картина мира, закрытые формы социального общения и регулирования и открытые (*статус и договор*), органические и государственно-правовые (*харизма и институт*) формы зависимости.

Фундаментальные трансформации в системах социального общения сопровождаются фундаментальными изменениями и в системах юридического языка: его терминологии, семантики, форм и способов аргументации, стилей правового мышления; преобразованиями в составе того, что можно назвать исторической грамматикой правопорядка, выражающей цивилизационную принадлежность или аксиологию и эпистемологию традиционных и современных правовых систем, их типологические различия и универсальные нормативные коды юридической организации социальных отношений.

3. Разнообразные социокультурные формы репрезентации юридического начала социального общения: устное и письменное право, юриспруденция жеста и звука, ритуальные практики и символы принадлежности к определенным социальным группам (одежда, цветовые сочетания). Все это не что иное, как юридический текст, выражающий нормативные структуры и границы взаимодействия, открытые или закрытые модальности социального поведения. Главный персонаж социальной сцены – человек юридический, собирательная категория культурно-исторического процесса. История социальных систем – это история изменений статуса коллективных и индивидуальных субъектов, систем юридической организации власти, собственности и управления или форм политико-правовой зависимости образующих их социальных групп. Кастовое и сословное, классовое и гражданское – все эти общества являются юридическими категориями, в нормативных границах которых протекают социальный, политический и культурный процессы.

Дуальные концепты «общность и общество» и «статус и договор», введенные в научный оборот Ф. Теннисом и Г. Мэнном, лишь в слабой и метафорической форме выражают фундаментальные сдвиги в культурных и дискурсивных практиках перехода от одного модуса социальной зависимости к противоположному состоянию. Опуская множество промежуточных техник организации и самоорганизации человеческих сообществ, связанных с переходами от родового

субъекта к индивиду, от партикулярного к территориальному праву (далее – трансграничному), от этнической идентичности – к гражданской, можно четко выявить ведущую тенденцию культурно-исторического процесса. Речь идет о расширении пространства политической и правовой свободы и взаимодействий в системах социального общения: от религиозных практик легитимации институтов – к светским, от сакральной юридической картины мира – к профанной, от закрытого дисциплинарного дискурса – к открытому междисциплинарному или сетевому.

Исторические судьбы и траектории развития феномена «человек юридический» заключены в нормативные границы и определения породившей его социокультуры. *Homo juridicus* иудаистской, христианской и исламской традиции выражают и демонстрируют практики социального поведения, отвечающие правилам, санкционированным собственными верованиями. Онтологические основания обеспечивающих их развитие и воспроизводство социокультурных институтов определяются системой юридических концептов действительности, предписывающих, позволяющих и запрещающих нормативные условия существования и общения внутри и вне наличной собственной правовой системы.

Фундаментальное значение категории «юридический концепт действительности», введенной в научный оборот Г.А. Гаджиевым¹, бесспорно. Эта разработка составляет содержание нового направления юридической науки – культурно-исторической юриспруденции. Аналитика категории «юридический концепт действительности» имеет двойственную природу. С одной стороны, это – органическая часть правовой реальности, данной в ее социокультурных ориентациях и переживаниях, с другой, – органическая часть эпистемологии науки права, заключенная в языке описания и объяснения права. Именно в этом аспекте понимания и определения правовой реальности субсидиарным источником права являются представления о праве.

Юридический концепт действительности – воображаемая правовая вселенная в миниатюре, где совмещены онтологические и аксиологические основания права, его культурно-историческая догматика и аксиоматика. Если право – универсальная потребность в социальном порядке в условиях социального беспорядка, то юридический концепт действительности – ментальное и когнитивное выражение этой потребности, определяющее нормативные границы и условия поддержания устойчивости и преемственности в культурно-исторических практиках социального общения. Нормативность социального порядка (юридическое как таковое) первична относительно нормативности формального порядка. Социально-юридическое отношение первично относительно правоотношения как политико-правовой формы его организации. Юридический концепт действительности – первичная соционормативная реальность, которая лежит в основании разнообразных исторических форм и процессов правообразования и правоопределения. Это – структурный элемент культурно-исторической эволюции права.

¹ Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

История права и история науки права и есть не что иное, как развернутый в систему институтов и определений юридический концепт действительности, его опредмеченная соционормативная логика и метафизика. Это – понятийный миф или образ должного в сущем, символическое определение желаемого правопорядка, одновременно ментальное и нормативное ядро правовой реальности. Отсюда проистекает и собственный интегральный предмет культурно-исторической юриспруденции: правовая цивилизация в двух ее фундаментальных состояниях и измерениях – человека юридического и юридического концепта действительности. *Homo juridicus* – социально-коммуникативное основание права; юридический концепт действительности – его образно-когнитивное основание. В их взаимных отношениях и определениях существует, осмысляет и воспроизводит себя правовая реальность как человеческая реальность, одновременно социальная и культурная. Отсюда объяснимо появление в общем корпусе юридической науки таких пока еще эмбриональных направлений ее концептуального развития, как этноюриспруденция, правовая лингвистика и правовая семиотика, общее онтологическое основание предметов которых образуют социокультурные (то есть нормативные) сети общения, поведения и регулирования.

4. Универсальная схема построения любой теории, в том числе и юридической, предполагает ее деление на содержательную и методологическую составляющие. Эта элементарная схема концептуализации научной дисциплины имеет развитую аналитическую традицию. В составе содержательной составляющей различают историческую, догматическую и доктринальную юриспруденцию. В свою очередь, в составе методологической составляющей выделяют философскую, формально-логическую и сравнительную юриспруденцию. Дифференциация и интеграция систем юридических знаний по предметным и аналитическим основаниям выражает исторический и логический процесс поиска концептуальных решений, отвечающих критериям объективности, полноты и достоверности изучаемых явлений. За каждым элементом общей дисциплинарной матрицы юридической науки стоит собственная история разработки своего предмета и исследовательских подходов, а также собственная история разработки категориального и понятийного языка научной дисциплины в целом и ее составляющим.

Исходная познавательная парадигма концептуализации самой юриспруденции как системы юридических знаний, включающая определение ее дисциплинарного статуса в общей системе социально-гуманитарного знания, предметно-методологических оснований построения ее структуры, языка и междисциплинарных связей в культурно-историческом контексте ее существования и развития еще не получила развернутого выражения в структуре самой научной дисциплины. Разумеется, предмет юриспруденции существует в границах своего метода, метод юриспруденции обнаруживает свое присутствие внутри своего предмета. Ни предмет, ни метод научной дисциплины не существуют сами по себе. Это сетевая подвижная структура взаимозависимостей, в рамках которой они взаимопределяют друг друга. Метод конституирует предмет в системе связей с другими предметами, предмет порождает метод в системе связей другими методами.

Новый подход в изучении правовой реальности, составной частью которой является сама юридическая наука, определяется как интегральная юриспруденция. Дисциплинарный статус интегральной юриспруденции – предмет активных научных дискуссий. Его формат обсуждается в широком диапазоне возможных аналитических построений – от энциклопедии государства и права до общей догматики и аксиоматики юридической науки. На наш взгляд, энциклопедический формат отвечает традиционной логической схеме построения классической юриспруденции. В свою очередь, конструкция «интегральная юриспруденция» имеет право на существование не в смысле сведения различных аспектов исследуемого явления или исследовательских подходов в общий комплекс догматических правоположений и аксиоматических суждений, это – механическая версия понимания процесса становления и развития систем юридических знаний, лежащая в рамочной логике развития традиционной или энциклопедической модели организации отдельных юридических дисциплин.

В отличие от энциклопедии права, интегральная юриспруденция является ее концептуальной альтернативой. Эпистемология интегральной юриспруденции заключена не в процессах перечисления и сочетания предметов и методов отдельных юридических дисциплин, а в разработке общей теории предметных, методологических и ценностных оснований науки права. Дисциплинарный статус интегральной юриспруденции определяется наличием концептуального ядра, базовых категорий и понятий научной дисциплины в целом, в рамках которых формируются собственные аналитики отраслевых юридических дисциплин. Фундаментальная тема и проблема постюриспруденции, мотивирующая и оправдывающая ее притязания на новое видение, понимание и определение права, заключается в разработке концептуальных оснований формирования практического и теоретического языков, языков конкретных правовых институтов и языков предметных правовых теорий, способных быть подвижными и открытыми текучей современности в терминах З. Баумана². Язык новых понятий и определений делает невидимое видимым, расширяет диапазон объектов исследования, обнаруживает новые предметные и аналитические связи и зависимости феномена права и науки права.

Энциклопедический формат юриспруденции выстроен в иной логике. Это – логика иерархического понимания правовой реальности и, соответственно, корреспондирующих ей систем юридических знаний, метафизического, формального и практического уровней ее существования и философского, догматического и социологического уровней ее описания и объяснения; взгляд, отвечающий *вертикальной* концепции социального порядка и юридической картины мира, основанной на принципе авторитета и субординации правовой онтологии и правовой эпистемологии. Или пониманию права как объекта государственного управления, устанавливающего в зависимости от внутри- и внешнеполитической конъюнктуры тот или иной формат правопорядка. Это своего рода аналог магических ритуальных практик воздействия на реальность,

² Бауман З. Текущая современность. М., СПб., 2008.

согласно которым мир таков, каковы технологии его восприятия и воображаемого регулирования.

Решение вопроса

1. Правовая реальность существует одновременно в объективном и субъективном смыслах, в форме сущего и должного, фактического и нормативного, материального и идеального, юридического концепта действительности и юридических институтов. Правовая реальность каждой исторической эпохи говорит на своем юридическом языке, то есть в границах социальных фактов и культурных ценностей или юридических картин мира определенных исторических эпох. Правовая реальность такова, каков язык рассуждения о правовой реальности. *Nomen est omen*. В этом аспекте своего аналитического выражения юридическая наука в целом и теория государства и права в частности – всего лишь концептуальная форма существования правовой реальности наряду с ее языковой и институциональной формой.

Каждая историческая эпоха вырабатывает и имеет свой формат, модус или систему юридических знаний в рамках собственной юридической картины мира – ее мифопоэтической, религиозной или рационально-логической эпистемы. В их концептуальных сочетаниях, пересечениях и модификациях проявляют себя культурно-исторические практики производства и трансляции научных знаний. Эпистема или общая символическая конвенция понимания содержания и форм юридического знания каждой исторической эпохи его существования выражает доминирующую тенденцию или логику восприятия и переживания мира юридических отношений. Историческая практика развития юриспруденции, ее предмета, метода, категорий и их концептуальных построений эмпирически демонстрирует этот факт. В основании исторических метаморфоз юридической науки и ее эпистемологии лежат изменения языка описания и объяснения правовых явлений.

Юридический язык как форма бытия правовой реальности проявляет себя в различных практиках ее выражения и существования – нормативных, институциональных, концептуальных и ценностных. Реальное государство и право живут в системах пересечений юридических языков своей исторической эпохи. Универсальным индикатором формационной и цивилизационной принадлежности к тому или иному культурно-историческому типу в организациях наличных систем власти, собственности и управления является юридический язык, на котором говорят и на котором обсуждают и решают текущие и актуальные проблемы социально-экономического и политического развития.

Многослойный по своим смыслам и значениям юридический язык своей нормативной лексикой и семантикой, жанровыми формами и стилевыми приемами не только отражает разнообразные практики социального общения и поведения, и не только определяет и квалифицирует в культурно-исторических топиках своего существования и развития различные аспекты социально-правовой действительности, он одновременно и формирует и маскирует институциональную и

доктринальную реальность, выдавая должное за сущее, а формальное за действительное. И самое главное: юридический язык как в своем теоретическом, так и практическом выражении обеспечивает фактическое производство и воспроизводство установленного правопорядка, используя санкционированную систему категорий и понятий. В этом смысле юридический язык является политической и интеллектуальной собственностью доминирующих в той или иной социальной системе групп интересов, объектом их притязаний на формальное обладание и на нормативное определение правопорядка.

2. Предмет правовой науки, это, прежде всего, – юридический язык, на котором говорит и рассуждает научная дисциплина. Юридический язык, как означающее, составляет онтологическое основание права – означаемого. Нормативная аналитика юридического языка есть аксиоматика и догматика права. Основная эпистемологическая функция юридической науки заключается в определении того, что есть, а что не есть юридическое знание в собственном смысле своего понятия, а в конечном счете – что есть, а что не есть право. Или точнее: что осмысливается и определяется в границах установленного или действующего права, внутреннего и трансграничного права в качестве права. Отсюда проистекает необходимость различения в общей системе языка юриспруденции его отдельных и относительно автономных слоев – язык собственно юридической теории и язык юридической практики, доктринальный язык и перформативный язык, язык юридических понятий и язык юридических конструкций, язык государственного и негосударственного права, язык национального и язык трансграничного права.

Действительный дисциплинарный статус юридической теории – статус критической юриспруденции, основной предмет которой состоит в концептуальной критике содержания и форм выражения юридического языка и тех дискурсивных практик, в которых вырабатываются его определения и понятия. Теория юридического дискурса является второй составляющей предмета общей или интегральной юриспруденции. Юридический дискурс существует в границах определенной социокультуры, в рамках которой вырабатывается аналитический инструментарий, а также правила и приемы юридической аргументации отдельных направлений правовой политики. Третья составляющая предмета критической юриспруденции – теория юридического текста, который является производной юридического языка и дискурса. В нем резюмированы основные элементы и структуры юридического концепта действительности и нормативные границы понимания и манифестации права и правовой политики.

Совмещение элементов общего предмета критической юриспруденции, а именно юридического языка, юридического дискурса и юридического текста в ее общей дисциплинарной системе и образует новый концептуальный формат юридической науки в целом. По существу, все элементы общего предмета критической юриспруденции имеют вместе и в отдельности эпистемологический, аксиологический и нормативный статус, характеризующий и их культурно-историческое содержание, и их цивилизационную принадлежность.

Правовая реальность в своих основных проявлениях и как совокупность юридических институтов (юридических правил, принципов и ценностей) и юри-

дических процессов (процедур и действий) существует и определяет себя в системе юридического языка, юридического дискурса и юридического текста. В их системном, формальном и социокультурном взаимодействии одновременно отражается, оценивается, легитимируется и обосновывается правопорядок и его составные элементы – право и наука права.

Язык юриспруденции и его производные – «юридический дискурс» и «юридический текст» – образуют совокупный инструментарий концептуализации и институционализации правовой реальности. Это одновременно и эпистема, и этос, юридический концепт и конструкт. Юридический язык, выражая (формируя и формулируя) определенное понимание и отношение к институтам государства и права, является универсальной формой их ментального (когнитивного и культурного) существования. Государственно-правовая реальность – это языковая реальность. Отсюда проблема и тема различения, описания и объяснения доктринального и концептуального, образного и ценностного плана или модуса существования государства и права как одновременно и воображаемой, и фактической реальности. Воображаемая реальность реально существует, пока существует фактическая реальность. Их симбиоз лежит в основании культурно-исторического механизма порождения и права, и государства. Его источником является историческая память или культурно-историческая сеть, сохраняющая, отбирающая и транслирующая юридический язык определенных эпох его производства.

3. Два плана или модуса существования государственно-правовой действительности имеют свое доктринальное и концептуальное продолжение в различных версиях понимания государства и права. История политических и правовых учений в полной мере отражает интеллектуальную и политическую борьбу воображаемой и фактической реальности, желаемого и наличного правопорядка в культурно-исторических практиках государственно-правового развития. Позитивизм и непозитивизм, классическая и неклассическая юриспруденции, формально-догматическая и естественно-правовая школы – эти и другие модусы юридических картин мира выражают изначальный правовой дуализм должного и сущего, формального и реального, возможного и действительного в праве и науке права.

Базисные категории права и определения права в буквальном смысле связаны правопониманием. В нем сосуществуют одновременно восприятие, переживание и отношение к праву. Правопонимание – универсальная категория и науки права. Ее парадигмальный статус обнаруживает себя в различных аспектах концептуализации науки права. В ней находят себя и правовая онтология, и правовая аксиология, и правовая эпистемология. Язык теоретической и практической юриспруденции, обладая когнитивным, эмотивным и конструктивным значением, живет и воспроизводит себя в культурно-исторической топике правопонимания определенной эпохи. Традиционные и современные правовые системы есть не что иное, как опредмеченные в юридическом языке и текстах конкурирующие версии понимания права. Открытость или закрытость их юридического языка, его подвижность или неподвижность выражает себя в рамочных определениях историче-

ского контекста правопонимания, меняющихся социокультурных границах существования и развития права и науки права.

Правопонимание лежит в основании разнообразных дискурсивных практик, санкционируя своими подходами и оценками правовой реальности ту или иную логику аргументации и обоснования правомерности тех или иных действий; задает границы предмета юриспруденции (*функция категоризации*), ее содержательные рамки; определяет методологию изучения правовых явлений (*аналитическая функция*), их понятийные рамки; структурирует юридическую науку (*функция дифференциации*), ее дисциплинарные рамки; в своей предметной и концептуальной логике выступает в форме доктринальной юриспруденции, выполняя функцию обоснования нормативных границ применения того или иного инструментария описания и объяснения правовых явлений; в зависимости от культурно-исторического контекста существования и развития права правопонимание либо консервирует принятую номенклатуру аналитических средств и методов его изучения, отрицая правомерность нормативного статуса нового юридического языка, либо обеспечивает критическое переосмысление природы самого права (*его онтологии*) и науки права (*ее эпистемологии*).

Правопонимание кодифицирует стили правового мышления, те или иные способы осмысления правовой реальности в различных модусах ее существования и проявления; устанавливает в рамочных определениях предмета и метода юридической науки нормативные границы использования выработанного категориально-понятийного аппарата, делая его открытым или закрытым для внешних взаимодействий и внутренних изменений; своим воздействием охватывает все возможные формы юридического осмысления правовой реальности, ее понятийную (*логическую*), образную (*метафорическую*), культурно-историческую (*ценностную*) топику.

По существу, правопонимание концептуально и аналитически пытается поставить и ответить на ряд фундаментальных вопросов науки права, а именно: в какой степени юридическое осмысление действительности действительно является юридическим? И в какой мере оно может вбирать и включать в свой юридический язык и перерабатывать свои собственные биологические и социальные, политические и культурные истоки и коннотации? Сводятся ли определения понятия права к этатистским и легалистским определениям или реально имеет место пучок определений права, выражающих разнообразие его собственных онтологий и эпистемологий? Является ли правовая реальность в современном формате ее существования и выражения только государственно-правовой реальностью? Юридическая природа феномена права – внутри государства, над государством или без государства? Юридическая природа определения понятия права – за рамками определения понятия государство? Вопросать можно до бесконечности, но ответ должен соответствовать концептуальным и социокультурным стандартам современного и актуального, а не архаичного и консервативного правопонимания.

4. Правопонимание в данном аспекте своего представления о самом себе является одновременно и метаоснованием права и метатеорией науки права. Это не что иное, как базовый соционормативный и социокультурный юридический

концепт действительности, который находит и утверждает себя в качестве правовой онтологии и эпистемологии. Очевидно, что роль правопонимания в развитии юридической науки и ее составной части – теории государства и права – составляет фундаментальную проблему и тему юриспруденции. На современном этапе в развитии теоретической юриспруденции актуальной является постановка вопроса о разработке собственно теории *интегрального правопонимания*. Ее предмет включает изучение фундаментальных онтологических оснований возникновения и развития институтов государства и права и построение рамочных концепций (*basic-концепций*) предмета и структуры конкретных теорий государства и конкретных теорий права. В этом качестве правопонимание является одновременно и объяснением, и определением (*теория права*), и обоснованием (*правовая доктрина*), и критикой права (*правовая политика*). Любая теория государства и права, как с точки зрения своего содержания (предмета), так и с точки зрения своего языка (понятийного аппарата), изначально в явной или неявной форме заключает в себе концепцию понимания государства и права. Парадигмальный статус интегрального правопонимания в разработке предметно-методологических оснований науки права и построения дисциплинарной матрицы определяет ее концептуальные перспективы, связанные с переходом от вертикальной структуры дисциплинарных взаимодействий к сетевой структуре. Правопонимание в качестве фундаментальной концепции правопорядка формирует предмет юриспруденции и выражает понятийное ядро правовой теории. Через правопонимание выявляются действительные основания и границы существования государства и права, принимаемые правосознанием того или иного исторического общества (*феноменология государства и права*); выстраиваются базовые концепции права, категориально-понятийный аппарат или язык теории государства и теории права (*гносеология государства и права*); устанавливается дисциплинарная и междисциплинарная структура юридической науки (*эпистемология государства и права*). Правопонимание выражает ценностное отношение к государству и праву (*аксиология государства и права*). И, наконец, правопонимание включает в себе определенные представления о месте и роли человека в формировании юридической картины мира, нагруженной гуманитарным или антигуманитарным содержанием и смыслом (*антропология и социология государства и права*).

Сложная концептуальная архитектура категории правопонимания отражает многоуровневую и сетевую архитектуру самой правовой реальности в ее культурно-исторических, нормативных и понятийных репрезентациях. Именно в комплексе собственной эпистемологии и определений интегральное правопонимание обеспечивает как предметные, так и аналитические основания и перспективы развития новой науки права. Это одновременно и общая юридическая конструкция и фундаментальная юридическая концепция права. Иначе говоря, система права и есть не что иное, как институциональное выражение, а юридическая наука или наука о праве, в свою очередь, есть концептуальное выражение понимания права. Множеству версий понимания государства и права корреспондирует множество

вариантов теорий государства и права и, соотв., множество определений понятия государства и понятия права.

Интегральное правопонимание составляет метатеоретическое основание разработки интегральной юриспруденции. Совмещение спектра различных версий понимания права образует основание комплексной концептуализации феномена государства и права и разработки многоаспектных теорий государства и права. В сетевой эпистемологии интегрального правопонимания выстраивается одновременно системное и дифференцированное представление о юридической науке, ее объектах и предметах исследования, разнообразии языков описания и объяснения правовых явлений. И что самое главное: происходит признание междисциплинарного статуса юридической науки, то есть аналитических и конвенциональных определений понятия права, основанных на сетевых принципах формирования их юридических значений – субсидиарности, транспарентности, комплементарности и транзитивности.

Смещение в формах и методах юридического анализа – не что иное, как концептуальный ответ на развитие глобальной сетевой структуры социально-экономических отношений и обеспечивающих их юридическую организацию трансграничных правовых институтов. Формы и методы сетевого регулирования, основанные на аналогичных принципах юридической организации социальных отношений, составляют соответствующий предмет постюриспруденции и определяют актуальную потребность разработки адекватного их основаниям и функциям нового языка права и науки права. Фактически имеет место парадигмальный сдвиг в процессах развития и формирования культурно-исторических и аналитических систем юридических знаний. Происходит переход от плоской (горизонтальной) и пирамидальной (вертикальной) дисциплинарной структуры юриспруденции к сетевой форме ее концептуальных определений и предметных оснований. На смену методологическому монизму формально-догматической юриспруденции (языка этатистской и легалистской версии) и методологическому дуализму философской школы права (языка метафизики должного и сущего), приходит методологический плюрализм языка постклассической юриспруденции в двух логиках осмысления правовой реальности – интегрального правопонимания или мета-теории права и интегральной юриспруденции или правоуправления в собственном междисциплинарном смысле данного понятия.

Список литературы

1. Андрианов Н.В. Воспроизводство права как проблема семиотики права // Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
2. Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции – интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография. М., 2016.
3. Бауман З. Текучая современность. М., СПб., 2008.
4. Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.

5. Бикбов А. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М., 2014.
6. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права, 2009, № 12.
7. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.
8. Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще не заверченный проект // Правоведение, 2000, № 3.
9. Лазарев В.В. Истоки интегративного понимания права // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2006.
10. Липень С.В. Основные методологические традиции в развитии юридической науки // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / отв. ред. проф. А.В. Корнев. М., 2017.
11. Лукашева Е.А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Советское государство и право, 1975, № 4.
12. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право, 2003, № 6.
13. Медушевский А.Н. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение, 2011, № 5.
14. Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход в праве // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Вып. Сравнительное право. № 4(32). 2017.
15. Нерсисянец В.С. Право: множество определений права и единство понятия // Советское государство и право, 1972, № 5.
16. Поляков А. В. Энциклопедия права или интегральная юриспруденция // Правоведение, 2012, № 4.
17. Честнов И.Л. Постклассическая методология исследования права как ответ на кризис юриспруденции // Кризис права. История и современность. СПб., 2018.
18. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.
19. Тимошина Е.В. Некоторые итоги и перспективы дискуссии об интегральном правопонимании // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2013.
20. Шевцов С. Метаморфозы права: право и правовая традиция. М., 2014.